

## ВАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

**И.А. Ледях. МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО  
И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.  
М.: Институт государства и права РАН, 2008.**

На книжном рынке много публикаций, посвященных международному гуманитарному праву. Рецензируемая книга отличается высоким теоретическим уровнем исследуемых проблем. Вместе с тем такой подход сочетается с постановкой целого ряда вопросов и рекомендациям по ним, имеющим важное практическое значение. Автор – Ирина Андреевна Ледях, видный сотрудник Института государства и права РАН, специализирующийся в сфере проблем защиты прав человека. Работа была подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда, а ее ответственным редактором стал член-корреспондент Российской академии наук М.В. Баглай. Выводы автора книги подкрепляются многочисленными ссылками на документы, решения органов международной юстиции, на высказывания известных отечественных и зарубежных авторитетов, что придает книге характер серьезного научного академического исследования. С первых же страниц читатель попадает в сферу рассуждений автора, где в гл. 1 “Источники международного гуманитарного права” оригинально и по-новому исследуется роль международного обычая в международном гуманитарном праве (МГП).

В книге отмечается, что в историческом контексте первичным источником МГП является обычай, поскольку право вооруженных конфликтов слагалось из правил и соглашений, которыми руководствовались вооруженные силы государств при ведении военных действий.

Смысл устанавливаемых правил состоял в ограничении применяемых методов и средств ведения войны с тем, чтобы избежать чрезмерных страданий и бессмысленных разрушений. Несмотря на, казалось бы, различающиеся области становления и развития обычая, с одной стороны, в сфере общественных отношений, связей между людьми в традиционном обществе и, с другой – в межгосударственных, международных отношениях, функционирование обычая в значительном объеме сохраняется в качестве правоустанавливающего и праворегулирующего фактора в действующем международном гуманитарном праве.

По мнению автора, изучение реальной практики государств в регулировании правовых отношений в гуманитарной сфере выявляет значительный потенциал применения норм обычного права в целях обеспечения соблюдения гуманитарных норм и, соответственно, защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов. Обычай определяется в Статуте Международного суда как “доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы” (ст. 38(1) Статута). Нормы обычного международного права должны соблюдаться государствами в том же порядке, что и конвенции, участниками которых они являются. Нератификация государством международной конвенции не препятствует применению международного обычного права.

Положения обычного права играют особую роль в МГП, на что специально указывается в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним. Об этом прежде всего свидетельствует включение в них “оговорки Мартенса”, которая является неотъемлемой составной частью женевского права. Она гласит: лица и ситуации, не защищаемые конвенциями, находятся под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, принципов гуманности и общественного сознания. Ориентация “оговорки Мартенса” на принципы и законы человечности и морали, по мнению автора, безусловно обогащает правовой потенциал гуманитарного права, расширяет сферу применения гуманитарных норм, распространяя защиту на всех лиц, затронутых вооруженным конфликтом.

Когда оговорка впервые была включена в 1899 г. в Прембулу II Гаагской конвенции о законах и обычаях войны, смысл ее состоял в том, что признание за Женевскими конвенциями значения обычного международного права позволяет оценивать их как обязательные в правовом отношении нормы, подлежащие применению независимо от того, получили они закрепление в позитивном праве или нет.

Взаимодополняемость этих норм международного права способствует обеспечению эффективной защиты прав человека, гарантируемых нормами международного гуманитарного права в отношении покровительствуемых лиц, военнопленных, гражданского населения и других категорий, затронутых вооруженным конфликтом.

Важнейшую часть МГП, именуемую чаще всего гаагским правом, поскольку корнями своими оно связано с Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., составляет система принципов и норм права вооруженных конфликтов, определяющих методы и средства ведения военных действий. С целью уменьшить и облегчить страдания лиц, затронутых войной, они включают необходимые запреты и ограничения на поведение воюющих сторон. Положенные в основу права вооруженных конфликтов, они применимы ко всем сторонам конфликта вне зависимости от того, кто его развязал и какая из сторон действует в порядке самообороны.

При анализе принципов МГП, и особенно всесторонних правил ведения военных действий, в книге обращается внимание на то, что Международный суд ООН в своем Консультативном заключении по вопросу о законности угрозы ядерным оружием или его применения отнес к их числу следующие: принцип различения целей, направленный на защиту гражданского населения и гражданских объектов и устанавливающий различие между комбатантами и некомбатантами; запрещение использовать оружие неизбирательно-го действия, исключающее нападение воюющих сторон на гражданские объекты; запрет на применение оружия, вызывающего ненужные страдания или причиняющего чрезмерный ущерб; ограничение свободы выбора применяемого

оружия, методов и средств ведения войны, ограничение права на самооборону требованиями военной необходимости и соразмерности целей и средств.

При этом ключевым моментом для всей системы указанных принципов, регулирующих правила ведения военных действий, становится положение о том, что право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным.

Этот исконный принцип считается традиционным, имеющим статус нормы обычного права. Он включает в себя несколько правил, которые должны безусловно соблюдаться. Следует назвать два основных. Первое запрещает применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, которые по своей природе могут вызвать чрезмерные страдания, излишние разрушения, нанести обширный и долговременный, серьезный ущерб природной среде. Второе правило обязывает стороны в целях обеспечения и защиты гражданского населения и гражданского имущества во всякое время делать различие между гражданским населением и комбатантами, а равно между гражданскими и военными объектами и направлять свои операции только против военных целей.

В рецензируемой монографии раскрытие содержания конкретных принципов указывает на их гуманитарную сущность и общую направленность на защиту покровительствуемых лиц и в целом гражданского населения.

В определенной, а чаще в решающей, степени принципы права вооруженных конфликтов влияют на ведение военных действий в прямой зависимости от характера вооруженного конфликта, является ли он международным или немеждународным. Такая зависимость приобретает особое значение в условиях, когда в мире возрастает число немеждународных вооруженных конфликтов. Наряду с различными факторами геополитического, социально-экономического и этническо-религиозного порядка, форсирующими рост внутренних вооруженных конфликтов, в работе приводится и ряд причин юридического свойства, порождающих складывающуюся диспропорцию правового регулирования в системе международных вооруженных конфликтов в противовес преобладающим внутренним вооруженным конфликтам.

Автор книги обращает внимание на то, что договорные положения гуманитарного права не обеспечивают необходимого уровня правовой защищенности жертв войны в период внутренних вооруженных конфликтов, чем объясняются подчас огромные человеческие потери среди гражданского населения. Дело в том, что в своде Женевских конвенций лишь одна общая для всех конвенций ст. 3 касается внутренних конфликтов, и она в минимальной степени включает нормы ведения военных действий. В ней отсутствуют многие основные принципы и нормы МГП, которые распространяются только на международные конфликты.

Стремясь устранить данный юридический изъян, многие государства проводят имплементацию норм МГП в национальное уголовное законодательство с целью пресечения серьезных нарушений и военных преступлений независимо от характера вооруженного конфликта.

На протяжении всей монографии в центре анализа остается проблематика процесса сближения различных форм взаимодействия гуманитарных принципов и норм защиты прав человека. Такой подход позволяет автору рассматривать их взаимодействие как основу расширения защиты жертв войны и гражданского населения в период вооруженного конфликта. При этом он базируется на резолюциях Генеральной

Ассамблеи ООН, международных документах по правам человека, решениях региональных органов по защите прав человека.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2675 (1970) четко утверждается: “Основные права человека, как они признаны в международном праве и изложены в международных документах, продолжают полностью применяться в ситуациях вооруженных конфликтов”. На процесс сближения и взаимодополняемости двух рассматриваемых отраслей права влияет практика региональных судов по защите прав человека. Проведенный в гл. 3 книги анализ показывает, что нормативная база МГП основательно разработана и даже установлен своеобразный рекорд по числу ратификаций – их 194, т.е. нормы МГП признаны почти всеми государствами – членами ООН. В ходе вооруженных конфликтов принципы и нормы МГП часто нарушаются, а это с неизбежностью приводит к массовым жертвам среди гражданского населения.

Автором книги делается вполне обоснованный вывод о том, что наличия одних лишь нормативных установлений недостаточно, если они не сопровождаются реальными мерами и эффективными механизмами по пресечению серьезных нарушений и военных преступлений, совершаемых в области МГП. Международное гуманитарное право предусматривает за эти преступления индивидуальную уголовную ответственность, которая действует и в отношении лиц, их совершивших, и лиц, отдавших приказ об их совершении. Как справедливо отмечается в книге И.А. Ледах, ни Женевские конвенции, ни Дополнительные протоколы к ним сами по себе не определяют конкретных мер наказания и не предусматривают создания специальных органов, осуществляющих судебное преследование лиц, обвиняемых в нарушении норм гуманитарного права.

Именно поэтому гл. 4 рецензируемой книги посвящена уголовной ответственности физических лиц за “серьезные нарушения” международного гуманитарного права. Автор отмечает, что обязанность осуществлять уголовное преследование лиц, виновных в “серьезных нарушениях” – военных преступлениях, согласно предписаниям МГП возлагается на государства. С этой целью они обязаны привести свое национальное законодательство (уголовное, административное, военное) в соответствие с нормами международного гуманитарного права. Такое законодательство должно применяться в отношении всех лиц, совершивших или приказавших совершить серьезные нарушения. Государства должны разыскивать и подвергать уголовному преследованию всех лиц, обвиняемых в военных преступлениях, независимо от их гражданства и места совершения преступления. Принцип универсальной юрисдикции является важнейшим в обеспечении эффективного уголовного пресечения серьезных нарушений и принуждении к соблюдению норм МГП.

Одновременно в книге обращается внимание на два краеугольных обязательства государств – по имплементации гуманитарных норм на национальном уровне и по применению принципа универсальной юрисдикции. Они создают основу международного сотрудничества государств в деле пресечения нарушений МГП и защите прав человека. Объединение усилий государств на этой основе безусловно должно способствовать реализации установлений женеvского права и устранению сложившегося разрыва между гуманитарными нормами и устойчивой практикой их нарушения.

Вступление в силу Римского статута и учреждение на его основе постоянного Международного уголовного суда (МУС) способствует не только развитию международного уголовного права, но и дальнейшему продвижению МГП

путем расширения уголовной ответственности физических лиц, их преследованию и наказанию за совершение военных преступлений. В категорию этих составов, отнесенных к юрисдикции МУС, включены серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. При этом автором отмечается, что в Статуте получили закрепление новые подходы в плане наметившейся тенденции распространения уголовной ответственности за военные преступления, совершенные в период вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Данное нововведение в отношении МГП по справедливости считается одним из важных достижений Статута МУС, поскольку внутренние вооруженные конфликты, как известно, являются в современном мире преобладающими, а их основными жертвами становятся гражданское население. По справедливому замечанию автора книги, пресечение военных преступлений, совершаемых в ходе внутренних вооруженных конфликтов, будет служить защите гражданского населения.

Согласно 10-й мотивировке Преамбулы и ст. 1 Статута Международный уголовный суд действует в режиме комплементарности (дополнительности), т.е. он лишь дополняет национальные органы юстиции, тогда как именно они наделены первичной юрисдикцией по осуществлению правосудия в этой области. Автором обращается внимание, что указанный в Статуте МУС перечень ситуаций, когда Суд начинает собственное расследование, основывается на принципе соответствия национального законодательства нормам Статута. К этому обязывает и ратификация Статута.

Реализация данного обязательства, в свою очередь, должна содействовать унификации международного и национального уголовного права. Важными представляются суждения автора о том, что при ратификации Статута МУС Российская Федерация должна будет привести свое национальное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в соответствие со Статутом. Особенно это касается категории военных преступлений и преступлений против человечности. Они могут быть приняты как отдельные федеральные законы либо внесены в разд. XII УК РФ в виде перечня составов военных преступлений и преступлений против человечности.

Вступление в силу Римского статута и начало деятельности Международного уголовного суда, как представляется автору книги, приведут к дальнейшему сближению национальных правовых систем. В рамках Статута следует отметить две позиции, которые явным образом основываются на взаимодействии прав человека и МГП. В ст. 21 Статута “Применимое право” указано, что применение и толкование Судом права должно соответствовать международно признанным правам человека и не допускать их дискриминации по каким-либо основаниям. Соответственно, международно-признанные права человека, подлежащие применению, выступают в качестве важнейшего источника права при принятии Судом своих решений. Выработывая свои правовые позиции, Суд будет способствовать сближению МГП и прав человека, их соблюдению в условиях вооруженных конфликтов.

В книге освещен целый ряд других важных для судебной практики проблем, таких, например, как проблема самоисполнимых и неисполнимых международно-правовых норм в Римском статуте, различные аспекты универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений, неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, ответственность лиц за исполнение преступного приказа правительства или ответственность командиров за военные преступления их подчиненных. Материал в книге изложен хорошим литературным языком. К сожалению, в работу вкралась одна досадная ошибка редакционного характера. На с. 38 основной труд Гуго Гроция “De jure belli ac pacis” обозначен как “От законной войны к миру” вместо “О праве войны и мира”<sup>1</sup>. Впрочем, это частное замечание не влияет на положительное впечатление от книги И.А. Ледях в целом.

**Г.П. Жуков, профессор кафедры международного права РУДН, доктор юрид. наук**

<sup>1</sup> См.: Гуго Гроций. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Пер. с латинск. А.А. Сакетти; под общ. ред. С.Б. Крылова. М., 1956.